ТЕНЬ В РАЙСКОМ САДУ

БЛЭР ВИЛКС

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Блэр Вилкс

Тень в райском саду

«Автор»
2026

Вилкс Б.

Тень в райском саду / Б. Вилкс — «Автор», 2026

Элинор Марш рассчитывала на тихий отпуск: доверить подруге любимых котов, на время забыть о саде и насладиться солнцем Тенерифе. Но однажды ночью в роскошном отеле убивают состоятельного англичанина, и привычная наблюдательность бывшей библиотекарши оказывается весьма кстати. У деловых партнёров погибшего есть причины бояться разоблачения. Жена занимает отдельный номер, тайная любовница скрывает свою связь с ним, а свидетельские показания не сходятся. Пока полиция проверяет алиби, Элинор замечает мелочи, которым никто не придаёт значения. Чтобы понять, что случилось той ночью, ей придётся разобраться не только в чужих тайнах, но и в собственных поспешных выводах.

© Вилкс Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Порядок отсутствия 6
Глава 2 9
Комната над садом 9
Глава 3 13
За общим столом 13
Глава 4 17
Обещание — не расписка 17
Глава 5 21
Человек в кресле 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Тень в райском саду

Глава 1

Порядок отсутствия

В то утро, когда Элинор Марш начала собираться на Тенерифе, Гораций принёс в дом чужую перчатку.

Перчатка была дамская, замшевая, очень маленькая и совершенно не по сезону. Накануне весь день лило, а замша оставалась сухой. Элинор подняла находку двумя пальцами и посмотрела на кота. Он сидел у кухонной двери с видом человека, которому задолжали за хорошую работу.

— Значит, ты опять заходил к миссис Финч через спальню.

Гораций медленно закрыл глаза. Он был крупный, серый, с белой грудью и не признавал объяснений, если они не сопровождались едой. Слива, маленькая чёрная кошка, наблюдала с подоконника. В отличие от Горация она никогда не приносила домой вещественных доказательств.

Элинор положила перчатку на полку рядом с письмом из туристической фирмы. Письмо пришло на бумаге — по её просьбе, которую молодая женщина по телефону сочла трогательной причудой. На самом деле Элинор прекрасно умела пользоваться телефоном, покупала билеты через приложение и оплачивала счета в интернете. Просто бумага не предлагала ей каждые восемь секунд отвлечься на что-нибудь ещё.

За окном сад готовился к ноябрю. На яблоне держались три листа. Под мокрой изгородью горели поздние хризантемы, посаженные ещё Ричардом, а терракотовый горшок возле сарая снова накренился. Восемь лет назад, в первую осень после его смерти, Элинор намеревалась выправить горшок немедленно. Теперь он стоял на том же месте и уже почти считался частью замысла.

Дом назывался Яблоневым, хотя яблоня была всего одна. Его построили на окраине Малого Уичфорда задолго до того, как деревня научилась продавать своё очарование жителям Лондона. Из кухни виднелись огород, старый каменный колодец и узкая дорожка к калитке. Элинор знала каждый звук дома: как остывают трубы, как стучит ветка об окно в спальне и с каким негодованием холодильник переходит к ночным обязанностям.

Это знание утешало. В последнее время оно начало её тревожить.

В половине десятого появилась Джоан Мерсер, которой было семьдесят два и которая считала возраст сведением, полезным исключительно аптекарю. Она вошла без звонка, поставила на стол корзинку яиц и сказала:

— Ты всё ещё здесь.

— До вылета осталось четыре дня.

— Я имею в виду, что ты уже три года никуда не выбиралась.

Джоан сняла плащ. На рукаве висела жёлтая нитка. Элинор машинально убрала её, и подруга вздохнула.

— Вот именно. Тебе необходимо место, где никто не знает, что ты замечаешь нитки.

— Есть подозрение, что там тоже будут люди в одежде.

— Но другие люди. И солнце. Ты помнишь солнце?

— На этой неделе его показывали по телевизору.

Они выпили чай. Гораций получил половину варёного яйца и немедленно сделал вид, что яйца никогда в жизни не видел. Слива запрыгнула на свободный стул. Джоан взяла письмо и пробежала глазами описание отеля.

— «Каса-дель-Мар». Пять звёзд, отдельные террасы, сад, библиотека, бассейн. Библиотека! Ты ушла на пенсию из библиотеки, а отдыхать едешь в другую библиотеку.

— В этой мне не придётся объяснять, почему роман вернули с селёдкой между страницами.

— Это был единственный такой случай за тридцать лет.

— Поэтому я его и помню.

Элинор проработала в окружной библиотеке большую часть взрослой жизни. Дети, которым она выдавала первые книги, теперь приводили собственных детей. На пенсии её по-прежнему просили найти то один рассказ, где был поезд, то книгу в синей обложке, которую когда-то читала тётя покойного мужа. Она редко помнила обложки, зато почти всегда помнила людей: что они спрашивали на самом деле и о чём предпочитали не спрашивать вовсе.

— Я присмотрю за котами, — сказала Джоан. — Мы это уже решили.

— Гораций ест только из широкой миски.

— Я знаю.

— Слива не должна выходить после темноты.

— Я знаю.

— А если ночью будет сильный ветер…

— Элинор, я пережила двух мужей, пожар в гостинице и председательство в приходском совете. С двумя кошками я как-нибудь справлюсь.

За завтраком пришло сообщение от племянницы Люси: фотография ребёнка с кашей на голове и вопрос, точно ли тётя заказала трансфер. Элинор ответила утвердительно и отправила фотографию Горация. Племянница прислала сердечко. Ничего другого в этот день от Элинор не требовалось.

Она поняла, что именно это и было причиной отъезда. В Яблоневом доме её отсутствие почти не нарушит жизнь людей, которых она любит. Такое открытие следовало принять спокойно. Оно означало, что они благополучны. И всё-таки иногда ей казалось, что мир начал разговаривать поверх её головы, заранее уверенный: она не возражает.

После обеда она понесла перчатку миссис Финч. Дорога в деревню шла мимо пруда, над которым пахло мокрой древесиной. У почты меняли вывеску. В бывшей лавке мясника открывалась кофейня с большим выбором растительного молока. Вывеска обещала посетителям «новый кофейный опыт». Элинор не возражала против новшеств, но для начала её вполне устроила бы чашка хорошего кофе.

Миссис Финч встретила её на крыльце в резиновых сапогах.

— Боже мой, где вы её нашли? Я искала с воскресенья.

— Гораций нашёл. Полагаю, в вашей спальне.

— В спальне? Нет, там я её точно не оставляла.

— Тогда в комнате вашей сестры. Окно на первом этаже было открыто вчера, когда я проходила мимо.

Миссис Финч покраснела и рассмеялась.

— Вы ужасная женщина. Я обещала Сьюзен не брать её перчатки. Они французские.

— Гораций тоже предпочитает качественные вещи.

На обратном пути Элинор зашла к аптекарю и купила солнцезащитный крем. Молодой продавец спросил, едет ли она навещать семью. Она ответила, что едет отдыхать. Он посмотрел на неё с неожиданным одобрением, словно она сообщила о намерении переплыть пролив.

Дома предстояло составить список для Джоан. Элинор начала с кошачьего корма, потом записала телефон ветеринара, место запасного ключа и дни вывоза мусора. На второй странице появились оранжерея, батарея в гостевой комнате и кран, который не следовало затягивать слишком сильно. На третьей она остановилась.

Список всё больше походил на завещание.

Она перечеркнула указания насчёт чайных полотенец, вырвала две последние страницы и оставила только действительно необходимое. Коты, ветеринар, ключ. Дом выдержит десять дней без правильного расположения полотенец.

Вечером она достала чемодан Ричарда. Её собственный был меньше, но у него сломалось колесо, а чинить старые вещи из верности воспоминаниям Элинор считала занятием сомнительным. Ричард при жизни немедленно купил бы новый. Он был инженером и относился к предметам гораздо практичнее, чем к людям.

Во внутреннем кармане лежала открытка из Лиссабона. «В следующий раз останемся подольше», — написал он на обороте, хотя они тогда путешествовали вместе. Ему нравилось оставлять записки там, где их находили не сразу. Элинор села на край кровати. За стеной зашуршала Слива: вероятно, проверяла, можно ли уложиться в открытый чемодан.

Она давно научилась переживать памятные даты — день рождения, годовщину, Рождество. Неожиданная записка по-прежнему заставала её врасплох.

Через несколько минут Элинор встала, положила открытку в ящик комода и принесла летние платья. Серое оказалось велико в плечах. Синее сидело хорошо. Она выбрала синий шёлковый шарф, подумала и добавила яркий, коралловый, который купила два года назад и ни разу не надела.

На экране планшета светилась страница отеля. Белые корпуса спускались к океану, окружённые пальмами и розовыми кустами, названия которых рекламный текст благоразумно не сообщал. На одной фотографии был небольшой садовый павильон с круглыми окнами. Внутри стояли кресла, низкий стол и бронзовая раковина, удерживающая стопку газет. Подпись обещала «тихое место для чтения в любое время суток».

Элинор увеличила снимок. Ей понравилось, что кресла стояли не рядами, а под разными углами. Значит, хотя бы однажды их расставлял человек, который сам собирался сидеть.

Она ещё раз проверила подтверждение бронирования и отложила планшет.

В последний вечер перед отъездом Джоан пришла получить ключи. Они прошли по саду. Земля была тёмной и мягкой; в воздухе висел запах прелых листьев. За изгородью сосед пробовал завести газонокосилку, хотя ни погода, ни здравый смысл этого не одобряли.

— Не проверяй всё по телефону каждый час, — сказала Джоан.

— Я не собиралась.

— И не пытайся организовать в отеле книжный клуб.

— Это зависит от качества библиотеки.

Подруга обняла её у калитки. Элинор не ожидала, что станет так трудно произнести простое «до встречи».

Ночью она спала плохо, но не от тревоги. Впервые за долгое время за следующим утром скрывалось что-то, чего она не могла представить во всех подробностях. Гораций устроился поперёк её ног. Слива свернулась возле подушки. Оба делали вид, что ничего особенного не происходит.

В пять утра за калиткой остановилось такси. Водитель забрал чемодан, а Элинор задержалась в дверях кухни. Она проверила плиту, хотя накануне не готовила, погладила обоих котов и выключила свет.

Сад за окном ещё сливался с темнотой. Только три бледных цветка возле дорожки ловили свет уличного фонаря.

— Веди себя прилично, — сказала она Горацию.

Кот отвернулся.

Элинор закрыла дверь и пошла к машине, чувствуя в кармане маленькую твёрдую тяжесть телефона. На нём уже появилось сообщение от Джоан: «Счастливого пути. Перчатки вернула?»

Она улыбнулась и ответила: «Пока все».

Глава 2

Комната над садом

Остров появился под крылом самолёта без всякого предисловия: тёмная земля, белые дома, дороги, похожие на осторожно проведённые карандашом линии. Над горами лежали облака. Элинор прижалась лбом к стеклу, и женщина с соседнего кресла сказала, что внизу наверняка жарко. Та же женщина над Францией жаловалась на холод в салоне, а над океаном — на духоту. Элинор решила, что климат ей просто не подходит.

В аэропорту всё оказалось легче, чем представлялось ночью. Чемодан появился на ленте целым и невредимым. Водитель с табличкой правильно написал её фамилию. Телефон показал местную погоду и прислал условия роуминга. Элинор убрала его в сумку: на первое время сведений было достаточно. За окнами машины тянулись сухие склоны, торговые центры и посадки, закрытые светлой сеткой. Океан то исчезал, то снова появлялся между зданиями — удивительно синий, слишком большой для такого будничного понедельника.

Отель стоял на краю небольшого курортного посёлка. С дороги были видны только белая стена и верхушки пальм. За воротами начинался другой мир: тихий двор, широкая лестница из светлого камня, медный таз фонтана, в который вода падала с почти домашним звуком. Бугенвиллия поднималась по колоннам и свешивалась над входом тяжёлыми розовыми ветвями.

В холле пахло прохладным камнем и лимонной вербеной. Администратор представилась Нереей Суарес. Она была лет тридцати, с тёмными волосами, убранными в тугой узел, и говорила по-английски так, словно ни один гость до Элинор не задал ей ни одного утомительного вопроса.

— Комната двести двенадцать, миссис Марш. Второй этаж, окна в сад. Завтрак до половины одиннадцатого. Если пожелаете ужинать на террасе, лучше предупредить нас утром.

— У вас действительно есть библиотека?

— Небольшая. В дальнем конце галереи. Книги можно брать в номер.

— Вот это опасное предложение.

Нереа улыбнулась уже не служебно.

У соседней стойки стоял молодой мужчина в льняной рубашке. Он объяснял, что у него заблокировался ключ от номера. На запястье виднелся тонкий белый шрам, а возле ног лежала синяя холщовая сумка, из которой торчал угол папки. Когда Элинор уронила конверт с карточкой, мужчина поднял его раньше носильщика.

— Двести двенадцать? Тогда мы соседи. Я в двести четырнадцатом. Дэниел Рид.

— Элинор Марш. Надеюсь, я не храплю.

— У меня есть беруши.

— Разумный ответ. Обнадёживающий, но без обещаний.

Он рассмеялся. В его лице было что-то открытое и уставшее одновременно. Элинор дала бы ему чуть больше сорока. Серые глаза, короткие каштановые волосы, несколько седых нитей у висков. Он держал её конверт очень бережно, как будто внутри находилась фотография, которую нельзя согнуть.

Носильщик повёз чемодан к лифту. Дэниел остался у стойки получать новую карту, а Элинор услышала за спиной мужской голос:

— Мне сказали, что всё будет приготовлено к четырём.

Говорил он негромко, но требовательно. Люди рядом замолчали.

У входа стоял высокий пожилой мужчина в кремовом пиджаке. Он опирался на трость с тёмной деревянной ручкой, но Элинор показалось, что трость служит ему главным образом

знаком препинания. Рядом женщина в белых брюках смотрела на фонтан с таким вниманием, будто собиралась купить его и немедленно переделать.

— Сеньор Беллэм, гостиная будет готова через десять минут, — сказала Нереа.

— Десять минут назад вы сказали то же самое.

Дэниел, уже получивший карточку, отошёл в сторону. Элинор заметила, как сильно он сжал ремень сумки. Затем двери лифта закрылись.

Её комната оказалась даже лучше, чем на фотографии. За стеклянными дверями была небольшая терраса с двумя креслами, а за балюстрадой — сад, спускавшийся к длинной синей полосе бассейна. Дальше, за кипарисами и стеной, двигался океан. На столе стояло блюдо с фруктами и лежала карточка с пожеланием приятного отдыха. Элинор проверила ящики, обнаружила хороший фен, плохой роман и настоящий чайник.

Она отправила Джоан фотографию вида. Ответ пришёл почти сразу: «Гораций спит в твоём кресле. Слива не спит, но тоже в твоём кресле». Следом появилась фотография двух котов, явно не страдавших от разлуки.

Элинор переоделась и спустилась в сад.

Здесь росли растения, которые дома жили бы в оранжерее и предъявляли счета за отопление. Толстые мясистые листья отбрасывали чёткие тени. Из земли торчали круглые камни, тёмные, пористые, похожие на хорошо пропечённый хлеб. Садовник обрезал сухую ветку у дорожки. Элинор поздоровалась и спросила название дерева; он ответил по-испански, потом показал на табличку. Она поблагодарила и решила впредь сначала искать таблички.

В дальнем углу, под бугенвиллией, стоял павильон с фотографии. Садовая дорожка вела к широкой стеклянной двери; сбоку имелся второй выход на узкую служебную тропинку. Через него было удобно возвращаться к корпусу, минуя бассейн. На тропинке лежал шланг, а рядом стоял жёлтый предупреждающий конус.

Внутри было прохладно. Два больших кресла были обтянуты тканью цвета овсяного печенья. Одно стояло у дальней стены, в свете лампы, другое, с высокой спинкой, — ближе к книжному шкафу. За ним оставался узкий проход, которого с дорожки не было видно. Между окнами стоял невысокий стол с газетами. Элинор приподняла бронзовую раковину, чтобы взять верхнюю газету. Пресс-папье оказалось неожиданно тяжёлым; металл под пальцами был холодным и шероховатым. По спирали шли зеленоватые прожилки. Рядом лежала маленькая табличка: «Просим не выносить газеты из павильона».

— Вы тоже приехали из-за кресел?

Элинор обернулась. В дверях стояла широкоплечая женщина с короткой седой стрижкой и очками на цепочке. На ней была свободная рубашка с рисунком из каких-то очень уверенных в себе птиц.

— Из-за фотографий кресел, — уточнила Элинор. — Сами кресла пока оправдывают ожидания.

— Беатрис Кент. Я в двести тринадцатом. Если ночью услышите стук, не пугайтесь: это я ругаюсь с ноутбуком.

— В таком случае у нас на этаже собралась весьма предусмотрительная публика. Один сосед уже запасся берушами.

Беатрис подошла к шкафу, вынула тонкую книгу и тут же вернула её.

— Отель покупает книги по цвету корешков. Разница между гостиницей хорошей и очень дорогой состоит в том, что в очень дорогой корешки ещё и выцветают одинаково.

— Вы пишете?

— Статьи. Когда редакторы помнят, что читатель умеет воспринимать больше трёх предложений подряд.

Она говорила весело, однако пальцы на секунду задержались на очках. Элинор знаком был этот жест: человек называл свою профессию, одновременно решая, сколько ещё сообщить о себе.

Они вышли к бассейну. Под белым зонтом сидела женщина из холла. На столике перед ней стоял нетронутый бокал. Кремовый пиджак исчез; теперь возле неё расположился худой мужчина лет шестидесяти, оживлённо что-то рассказывавший и размахивавший зажатой в пальцах зажигалкой. Она слушала, не улыбаясь.

— Виктория Беллэм, — негромко сказала Беатрис. — Её галерея в Лондоне. Очень красивые выставки и очень некрасивые цены.

— Вы знакомы?

— Шапочно. С её мужем у многих шапочное знакомство. Он предпочитает, чтобы шапку снимали.

У террасы звякнула чашка. Молодая женщина в тёмно-зелёном платье подняла голову и посмотрела на Викторию. Это был короткий взгляд, но он не походил на любопытство. Скорее на проверку: там ли ещё находится человек, которого следует избегать.

Элинор подумала, что отель, вероятно, меньше, чем кажется на фотографиях. В малом пространстве даже случайный взгляд быстро получает адрес.

К ужину она спустилась рано. Метрдотель предложил ей столик у окна, но Беатрис уже махала с террасы, и Элинор согласилась присоединиться. Третье кресло занял Дэниел. Он принёс с собой маленький блокнот в синей тканевой обложке и положил его возле тарелки.

— Вы художник? — спросила Элинор.

— Ботанический иллюстратор. Иногда делаю рисунки для садовых каталогов. Растения редко требуют убрать им второй подбородок.

Он открыл блокнот. На странице была ветка бугенвиллии, нарисованная с такой точностью, что Элинор захотелось проверить, не колется ли бумага. У одного листа остался недорисованный край.

— Очень красиво.

— Пока только правильно. Красиво получается, если повезёт.

Беатрис заказала вино, Элинор — воду, Дэниел — апельсиновый сок без льда. Официант представился Матео и с серьёзностью сообщил, что рыба сегодня особенно хороша. Элинор поверила ему: он произнёс это не как обязательную фразу, а как новость, которую стоило передать знакомым.

За дальним столом появились Беллэмы и худой мужчина с зажигалкой. К ним присоединилась темноволосая женщина в строгом сером платье. Она поставила рядом с креслом ноутбук в чехле и, прежде чем сесть, проверила телефон.

— Деловые каникулы, — заметила Беатрис.

— Самый печальный вид каникул, — сказала Элинор.

Артур Беллэм откинулся на спинку стула. Даже через несколько столиков было видно, как остальные приноравливаются к нему: Виктория ждала, пока он отодвинет бокал, чтобы поставить сумочку; худой мужчина перестал щёлкать зажигалкой; женщина в сером убрала телефон, хотя явно не закончила читать.

Дэниел перевернул блокнот обложкой вверх.

После ужина океан превратился в большое тёмное движение. Подсветка сада выделяла отдельные листья и стволы, оставляя между ними глубокие промежутки тени. Где-то за стеной играла музыка. Элинор поднялась в номер, открыла дверь на террасу и позвонила Джоан.

— Здесь всё очень хорошо, — сказала она.

— Обычно ты так говоришь перед словом «но».

— Никакого «но». Солнце, море, прекрасный сад.

— И?

Элинор посмотрела вниз. По дорожке к павильону шла Виктория Беллэм. Муж догнал её у развилки, взял за локоть. Она высвободила руку. Они остановились под фонарём, и на секунду их лица стали отчётливо видны. Ни одно не было счастливым.

— И люди, — сказала Элинор.

Джоан хмыкнула.

— Тогда отпуск получится. Ты всегда предпочитала сад с соседями.

Разговор внизу закончился. Виктория пошла к корпусу, а Артур остался у павильона. Он долго стоял неподвижно, опираясь на трость. Затем достал телефон, посмотрел на экран и улыбнулся.

Глава 3

За общим столом

Утром Элинор проснулась от звука воды. Несколько секунд она пыталась понять, кто поливает сад в ноябре, потом вспомнила, где находится, и испытала маленькую, почти детскую радость. Дома в такое утро, наверное, моросил бы дождь. Здесь солнечная полоса уже пересекла пол и добралась до ножки кровати.

На завтрак она принесла книгу, но прочла только название главы. За соседними столиками происходило гораздо больше.

Пожилая немецкая пара делила грушу с точностью, достойной международного соглашения. Две женщины в спортивной одежде обсуждали вчерашнюю прогулку. Молодой отец, обложенный детскими салфетками, смотрел на кофе так, словно они расстались в юности и теперь случайно встретились.

Артур Беллэм завтракал один. Он сидел спиной к стене, положив трость справа от кресла. Матео принёс ему маленькую чашку кофе и газету. Артур развернул её, нахмурился и подозвал официанта.

— Это воскресный выпуск.

— Извините, сеньор. Свежие газеты ещё не привезли. Могу предложить планшет.

— Если бы мне нужен был планшет, я бы попросил планшет.

Матео забрал газету. Элинор увидела, что за ухом у него покраснела кожа, и почувствовала знакомое желание вмешаться. За тридцать лет работы с читателями она хорошо усвоила: люди чаще всего грубят тому, кто обязан отвечать вежливо.

— Здесь прекрасные булочки, — сказала она, когда официант подошёл к её столику.

Он благодарно кивнул, хотя не имел к булочкам никакого отношения.

— Вы англичанка? — спросил Артур.

Элинор повернулась.

— Да.

— Значит, понимаете моё раздражение. Когда платишь за порядок, рассчитываешь его получить.

— Понимаю. Но официант вряд ли придержал сегодняшний номер для себя.

Он посмотрел на неё внимательнее, потом коротко рассмеялся.

— Артур Беллэм.

Она назвала себя. Он пригласил её пересесть к нему, и Элинор согласилась: отказ потребовал бы выдумывать причину, а наблюдать за человеком с близкого расстояния было интересно.

— Вы здесь с мужем?

— Я вдова.

— Простите. Давно?

— Восемь лет.

— Тогда вы уже привыкли.

Элинор положила ложку на блюдце.

— К некоторым вещам.

Он не заметил паузы или счёл её несущественной. Заговорил об Англии, о ценах на отопление, о людях, которые больше не хотят работать. Его разговоры напоминали движение тяжёлого шкафа: если вовремя не отойти, окажешься прижатым к стене.

Всё же в нём была энергия, которую Элинор могла оценить. Он умел рассказывать. Через десять минут она уже знала, как двадцатитрёхлетним молодым человеком он купил первый заброшенный склад, как банковский служащий отказался пожать ему руку и как через двенадцать лет тот же служащий пришёл просить работу для сына.

— И вы помогли? — спросила она.

— Разумеется. Я не злопамятен.

— А служащему вы эту историю напомнили?

— Кажется, мы с вами поладим, миссис Марш.

За его плечом показалась Виктория. Утром она выглядела моложе: без украшений, с волосами, собранными простым зажимом. Она поцеловала мужа в щёку и поздоровалась с Элинор, однако садиться не стала.

— Я еду в город. Буду после обеда.

— Мы собирались поговорить.

— Мы говорили вчера.

— Ты говорила. Это не совсем одно и то же.

Виктория застегнула сумочку.

— Тогда тебе есть о чём подумать до вечера.

Она ушла. Артур проследил за ней взглядом, затем снова повернулся к Элинор.

— Удивительная женщина. За пятнадцать лет так и не поняла, что лучший способ убедить меня — не спорить.

Элинор подумала, что Виктория, вероятно, поняла как раз достаточно.

Когда она вернулась в сад, Дэниел сидел под деревом с папкой на коленях. Рядом стояла бутылка воды, а из синей сумки выглядывали карандаши в свёрнутом чехле. Он рисовал узкий лист, который держал за черешок. На обороте одного из листов бумаги Элинор заметила набросок английского дома: крыша, два высоких дерева, низкая пристройка.

— Здесь вы работаете или отдыхаете?

— Я всё ещё пытаюсь убедить себя, что можно делать и то и другое.

Она села на край соседней скамейки. Ветер шевелил бумагу. Дэниел придержал её ладонью, и из-под наброска показалась старая фотография, обрезанная с одной стороны.

— Ваш дом?

— Дом, который я помню.

Он убрал снимок в блокнот. Это было сделано спокойно, но окончательно, и Элинор не стала продолжать.

— У меня дома только одна яблоня, — сказала она. — Зато две кошки считают, что сад принадлежит им по наследству.

Дэниел улыбнулся.

— У матери был кот. Она утверждала, что он единственный мужчина в доме, способный вовремя уйти, когда его просят.

— Разумная женщина.

— Да.

Он посмотрел на свою ладонь. Слово осталось между ними чуть дольше, чем требовалось для вежливого согласия.

Из-за кустов вышел худой мужчина с зажигалкой. Он остановился возле Элинор, словно они давно собирались встретиться.

— Простите, вы не видели Беллэма? Который Артур. Я начинаю подозревать, что он нарочно избегает меня.

— Во время завтрака он был на террасе.

— Прекрасно. То есть было бы прекрасно час назад. Хью Рук.

Он пожал Элинор руку, кивнул Дэниелу и спрятал зажигалку в карман. На безымянном пальце остался светлый след от кольца.

— Вы его партнёр? — спросила Элинор.

— Иногда. В другие дни я человек, который отвечает на звонки, пока он объясняет миру, как надо жить.

Он сказал это с улыбкой, однако улыбка закончилась раньше фразы.

Когда Хью ушёл, Дэниел вернулся к рисунку. Элинор посмотрела, как карандаш постепенно придаёт листу объём. Ей нравилась работа, для которой нужно видеть предмет, а не только знать, как он должен выглядеть.

— Вы хорошо знаете растения, — сказала она.

— Лучше, чем людей.

— Они тоже умеют обманывать. Я три года считала, что один мой куст болен, а ему просто не нравилось место.

— И вы пересадили его?

— Да. Иногда полезно дать существу другую жизнь, прежде чем объявлять его безнадёжным.

Дэниел поднял голову.

— Вы и с людьми так поступаете?

— Стараюсь не пересаживать их без спроса.

Он рассмеялся, но не сразу.

После полудня в библиотеке Элинор встретила женщину, которая накануне ужинала с Беллэмами в сером платье. Сегодня на ней были брюки и простая белая рубашка. На столе перед ней лежали распечатки, телефон и очки с толстой оправой. Она увидела, что Элинор ищет свободное кресло, и начала собирать бумаги.

— Не нужно, — сказала Элинор. — Я только посмотрю, не появилось ли здесь что-нибудь после восемьдесят седьмого года.

— Боюсь, нет. Я уже проверяла.

Женщина улыбнулась. Улыбка сразу изменила её лицо, убрав ту напряжённость, с которой она сидела за ужином.

— Прия Сен.

— Элинор Марш.

— Вы вчера ужинали с мисс Кент?

— Да.

Прия помедлила, потом убрала распечатки в папку.

— Она интересная собеседница.

— Знакомы?

— Она присылала вопросы нашей компании.

— Надеюсь, вопросы были не слишком неудобными.

Прия посмотрела на закрытую папку.

— На удобные вопросы обычно и так знают ответы.

За окнами прошла женщина в зелёном платье. Её имени Элинор ещё не знала. Женщина несла маленькую коробку, перевязанную бечёвкой. Увидев Прию через стекло, она остановилась, будто собиралась войти, потом передумала и пошла дальше.

— Здесь все друг друга знают, — заметила Элинор.

— Так может показаться.

— И все делают вид, что случайно встретились.

На этот раз Прия улыбнулась без веселья.

— Это иногда удобнее.

В половине пятого Элинор сидела на своей террасе и писала открытку Джоан. Она могла бы ограничиться сообщением, но подруга любила находить в почте что-нибудь, кроме счетов. «Сад прекрасный, — написала она. — Люди довольно сложные. Думаю, это зависит от количества денег».

Внизу Артур Беллэм разговаривал с директором отеля. Директор, Луис Ортега, был невысок, безупречно одет и держал руки неподвижно, что казалось Элинор признаком большого самообладания.

— В павильоне сегодня вечером, — говорил Артур. — После одиннадцати. Мне нужна тишина.

— Павильон открыт для всех гостей, сеньор Беллэм.

— Я не прошу закрывать его. Просто без уборки и без официантов.

— Уборка заканчивается значительно раньше. Но если другой гость пожелает там посидеть…

Артур сделал нетерпеливое движение тростью.

— Разумеется, разумеется.

Элинор дописала открытку. Потом задумалась и вычеркнула фразу про деньги. У Джоан денег было мало, и люди вокруг неё были не менее сложными.

Перед ужином пришёл Матео с приглашением. Сеньор Беллэм устраивал небольшой общий стол и хотел бы видеть миссис Марш среди гостей. В руках у него оставались ещё два конверта — для мисс Кент и мистера Рида.

— Зачем? — спросила Элинор, не успев удержаться.

Матео растерялся.

— Наверное, для приятного вечера, сеньора.

— Конечно. Простите. Передайте, что я буду рада.

Она закрыла дверь и несколько секунд держала приглашение в руке. За всю свою жизнь Элинор побывала на множестве ужинов. Ужин по случаю дня рождения, помолвки, прощания, возвращения, даже один ужин в честь успешного удаления желчного пузыря. Но редко хозяин созывал за общий стол людей, которые явно предпочли бы с ним не встречаться.

В коридоре хлопнула дверь. Дэниел стоял возле своего номера с таким же кремовым конвертом. Он посмотрел на Элинор.

— Вы пойдёте?

— Пожалуй.

Он опустил глаза на приглашение.

— Тогда и я.

— Вы не обязаны составлять мне компанию.

— Я знаю.

Он произнёс это слишком тихо. Элинор хотела добавить что-нибудь лёгкое, но Дэниел уже убрал конверт в карман и вернулся в номер. На ручке его двери на секунду качнулась табличка с просьбой не беспокоить.

Глава 4

Обещание — не расписка

Общий стол накрыли в боковой части ресторана, где стеклянные двери открывались на террасу. В центре стояла низкая ваза с белыми цветами. За ней можно было видеть лица, и Элинор одобрила этот редкий пример здравого смысла в гостиничном украшательстве.

Артур Беллэм появился последним. На нём снова был кремовый пиджак. Он извинился за опоздание так, будто оказывал присутствующим услугу, признавая существование часов, и сел во главе стола. Виктория заняла место справа. Слева оказалась Прия. Хью сел рядом с Беатрис, Леона — напротив Элинор. Дэниел устроился на другом конце стола, откуда мог видеть открытые двери и сад.

— Кажется, за этим столом уже все успели познакомиться, — начал Артур. — Если нет, сейчас исправим.

Оказалось, что Элинор ещё не представили Леоне Харт. Женщины обменялись приветствиями, а Артур, как только это позволили приличия, снова завладел разговором.

— Теперь остаётся объяснить, зачем мы собрались, — сказала Беатрис.

Хью засмеялся. Виктория поправила салфетку.

— Нельзя ли просто поужинать в хорошей компании? — спросил Артур.

— Разумеется, — ответила Беатрис. — Я регулярно пробую.

Элинор посмотрела на Леону. У той были тёмные глаза и очень спокойные руки. Она сидела прямо, без суетливости, которая иногда выдавала человека, впервые оказавшегося среди богатых людей. На запястье у неё виднелось небольшое коричневое пятно; Элинор не поняла, краска это или след ожога. Когда Артур поднял бокал, Леона не посмотрела на него.

— За отпуск, — сказал он.

— За отпуск, — повторила Виктория.

— И за то, чтобы каждый получил то, чего заслуживает.

Виктория поставила бокал, не отпив.

Первое блюдо спасло разговор. Хью заговорил о местной рыбе, Беатрис — о ресторане в Брайтоне, где рыба была столь дорогой, что, вероятно, лично знала шеф-повара. Элинор спросила Леону о её работе. Оказалось, она реставратор живописи и помогает небольшому фонду, который возвращает в общественные здания картины, долгие годы пролежавшие в запасниках.

— Работа требует терпения, — сказала Элинор.

— Больше всего терпения требуют люди, которые платят за работу. Картины обычно согласны подождать.

— Леона чрезвычайно талантлива, — вмешался Артур. — Но художникам необходимо напоминать, что у любой красоты есть смета.

— Реставраторам об этом напоминают ежедневно, — ответила она.

— Я говорил в общем.

— А я о своей работе.

Читая меню, Артур надел очки в толстой тёмной оправе. Утром, когда он проходил через холл, Элинор видела на нём другую пару — в тонкой металлической. Он убрал тёмные очки во внутренний карман пиджака и сделал заказ.

Матео предложил напитки. Дэниел попросил апельсиновый сок. Артур, заметив, что официант повернулся к нему с тем же кувшином, накрыл ладонью край бокала.

— Нет, мне воду. Сок вечером я не пью.

— Ты говорил, что местный сок прекрасен, — сказал Хью.

— И до сих пор так считаю. Но сейчас хочу воды.

Матео налил воду. Элинор заметила, что Дэниел продолжал смотреть на свой бокал, хотя разговор уже ушёл дальше.

Во время основного блюда Артур стал рассказывать о доме, который недавно продал. Дом назывался Вязовым склоном и находился в Суррее. Когда-то он принадлежал семье первой жены, но об этом Артур упомянул вскользь, как упоминают о давно заменённой крыше.

— Великолепное место. Слишком большое для нынешней жизни. Никому не нужны восемь спален и садовник на полный день.

— Кроме тех, у кого они есть, — сказала Беатрис.

— Держаться за прошлое глупо. Я всегда это говорил.

Виктория посмотрела на мужа.

— Да, ты всегда это говорил.

— В кухне были ужасные окна, — продолжил он. — На запад. Всё лето жарило в лицо, пока готовили обед.

— На восток, — сказал Дэниел.

За столом возникла короткая пауза.

— Простите? — Артур поднял голову.

Дэниел отложил вилку.

— Насколько я помню план дома, это восточная сторона. Я смотрел фотографии и план участка в журнале о садах.

— Вот как.

Артур несколько секунд смотрел на него, затем пожал плечами.

— Возможно. Я не готовил себе обедов.

Хью поспешно заговорил о том, сколько теперь стоит содержать старые дома. Прия поддержала разговор, и неловкость понемногу рассеялась. Элинор, однако, заметила, что Дэниел больше не притронулся к рыбе.

Она знала людей, которые помнили чужие дома по фотографиям. В библиотеке таких встречалось немало. Но обычно они сначала говорили о журнале, а уже потом поправляли хозяина.

— Вы бывали там, Беатрис? — спросил Артур.

— Нет.

— Странно. Мне казалось, вы интересуетесь всем, что имеет ко мне отношение.

— Домами я интересуюсь меньше, чем людьми, которые их теряют.

Хью уронил зажигалку. Она стукнула о край стула и упала на пол. Он нагнулся за ней с такой поспешностью, будто падение могло дать начало пожару.

— Мы же договорились оставить дела до завтра, — сказала Прия.

— Я не помню, чтобы договаривался, — ответил Артур.

— Ты пригласил нас ужинать, — сказала Виктория. — Это всё-таки отличается от совещания.

Артур посмотрел на жену, затем неожиданно улыбнулся Элинор.

— Видите, миссис Марш? Восстание. А я просто хотел провести приятный вечер.

Элинор отрезала кусочек рыбы.

— В таком случае стоит позволить другим гостям тоже получить удовольствие.

На этот раз он рассмеялся не сразу.

За десертом разговор стал легче. Дэниел рассказал о заказчице, попросившей нарисовать розу с листьями камелии, потому что листья розы «выглядели недостаточно роскошно». Леона вспомнила картину, на которой прежний реставратор превратил маленькую собаку в лису. Даже Прия улыбалась. Элинор подумала, что без Артура эти люди могли бы неплохо провести время вместе.

По тому, как Артур оглядел гостей, Элинор показалось, что он и сам это заметил.

— У вас хороший дар рассказчика, Рид, — сказал он. — Наверное, от отца.

Дэниел выровнял ложку на блюдце.

— Мой отчим преподавал историю. Он действительно хорошо рассказывал.

— А родной отец?

— Мы не общаемся.

— Иногда это к лучшему. Семья слишком часто считает родство долговым обязательством.

— Иногда люди принимают обещания всерьёз, — сказала Леона.

Артур повернулся к ней.

— Обещание не расписка, дорогая.

Слово «дорогая» прозвучало слишком легко. Хью посмотрел в бокал, Прия — на Викторию. Та подняла голову и очень спокойно попросила кофе.

Элинор увидела, как Дэниел сжал лежавшую на столе салфетку. Потом медленно расправил её и сложил вчетверо, старательно совместив углы.

Артур делал то же самое со своей салфеткой. Возможно, это была обычная привычка. Элинор сама любила ровные края. Но в движении обоих мужчин было одинаковое раздражённое стремление заставить хотя бы кусок ткани повиноваться.

После кофе Беллэм объявил, что завтра утром у него назначено несколько важных разговоров.

— В том числе о нашем дальнейшем сотрудничестве, Хью. И о фонде, Леона. Прия подготовила необходимые бумаги. Я предпочитаю закрывать вопросы, когда они начинают мешать жить.

— Вопросы иногда состоят из людей, — сказала Виктория.

— Тем более.

Он поднялся. Ужин был окончен, хотя никто ещё не предложил его закончить.

После ужина гости поспешили разойтись, ссылаясь на усталость. Хью поймал Прию возле лестницы и что-то спросил, прикрыв рот ладонью. Леона пошла к лифту. Виктория задержалась у столика с цветами, поправляя застёжку браслета. Оглянувшись на их стол, Элинор заметила на спинке кресла Виктории тонкий тёмно-красный шарф. Та накинула его за ужином, когда стало прохладно. Элинор вернулась за шарфом.

— Ваш шарф, — сказала Элинор.

— Благодарю. У меня уже второй день всё выпадает из рук.

Виктория взяла его и посмотрела в сторону сада.

— Красивое место, правда?

— Очень.

— Иногда от этого только хуже. Кажется, что в таком месте ты обязан быть счастлив.

Элинор не ответила сразу.

— Я думаю, место ничего от нас не требует. Это делают люди.

Виктория кивнула, словно получила ответ на вопрос, которого не задавала.

В девять сорок пять Элинор вышла в павильон за книгой, которую оставила там днём. Дэниел стоял у шкафа. На столе лежала воскресная газета; бронзовая раковина удерживала её сложенный угол. Под высокой лампой было светло и уютно.

— Вы тоже спасаетесь? — спросила Элинор.

— Ужин был долгим.

— По часам — нет. По ощущениям — несколько лет.

Дэниел улыбнулся. Он взял синюю сумку со спинки кресла.

— Я, пожалуй, пойду рисовать у себя.

— Спокойной ночи.

— И вам.

Он ушёл через боковую дверь. Элинор нашла книгу и перелистала её в поисках закладки. Затем сняла очки и положила их вместе с раскрытым футляром на столик. Она собиралась убрать их в сумку, но из сада донёсся голос Артура. Он говорил по телефону, и слова, обращённые к невидимому собеседнику, звучали гораздо жёстче вечерних шуток.

— Нет. Завтра всё закончится. Я не намерен оплачивать чужую версию прошлого.

Элинор сунула книгу под мышку и прошла к основной дорожке. Артур стоял возле пальмы, отвернувшись от павильона. Увидев её, он прекратил разговор.

— Не спится?

— Ещё рано.

— Тогда желаю вам хорошего вечера, миссис Марш.

Это было произнесено вполне вежливо. Но Элинор вдруг поняла, что ей предлагают уйти.

На своей террасе она открыла книгу, но быстро закрыла её: без очков мелкие строки расплывались. Элинор решила, что оставила футляр на тумбочке, и пока не стала за ним идти. Внизу послышались шаги, затем тихий женский голос. Элинор не различила слов, только увидела, как красное пятно шарфа мелькнуло у поворота к павильону.

Она отложила книгу. В телефоне было сообщение от Джоан: «Сегодня Гораций ничего не украл. Очень подозрительно».

Элинор ответила, что подозрительным может быть и хорошее поведение. Потом потушила свет на террасе, чтобы лучше видеть звёзды.

В павильоне по-прежнему горела лампа. Через стекло было видно пустое кресло, раскрытую газету и бронзовую спираль раковины, тускло блеснувшую под абажуром.

Глава 5

Человек в кресле

В половине одиннадцатого Элинор решила, что сон ещё не входит в её планы. В номере было тепло, несмотря на открытые двери, а возвращаться к книге не хотелось. Днём она успела прочесть несколько глав: каждый герой знал нечто важное и по непонятной причине не сообщал об этом остальным. Она положила её на стол, надела лёгкий жакет и спустилась в холл.

Ночной отель был совсем другим. Днём холл служил проходом; теперь он словно собрался вокруг небольших ламп и мягких кресел. За стойкой дежурил молодой администратор. Из колонок в баре негромко звучала фортепианная музыка; сам пианист уже ушёл.

Беатрис сидела у окна с ноутбуком. Возле неё остывал чайник.

— Не говорите, что вы тоже работаете, — сказала она.

— Я сбежала от скучной книги.

— Это работа читателя. Иногда самая тяжёлая.

Элинор заказала чай и устроилась напротив. На экране Беатрис был открыт документ, но журналистка тут же свернула его. Элинор отвела глаза. Профессия библиотекаря научила её уважать чужие страницы, даже когда очень хотелось их прочесть.

— Вы давно здесь? — спросила она.

— Третий день. Собиралась писать о тихом отдыхе для людей, которые устали от весёлого.

— А пишете?

— Пока составляю список того, что мешает тишине.

В десять пятьдесят пять через холл прошла Прия. Она держала телефон возле уха, но не говорила, только слушала. У лифта остановилась, посмотрела на часы и снова вышла в боковую галерею. Элинор запомнила время потому, что как раз собиралась написать Джоан и сообразила: дома уже слишком поздно.

Вскоре появился Хью. Он спросил у ночного администратора, можно ли заказать машину на утро, затем передумал и ушёл к лестнице. По дороге заглянул в бар. Его лицо было влажным, хотя в холле работали кондиционеры.

— Деловые каникулы продолжаются, — заметила Беатрис.

— Похоже, у них нет выходных.

Беатрис помешала чай. Ложка негромко стукнула о стенку чашки.

— Мне кажется, Беллэм получает удовольствие от того, что люди из-за него не спят.

— Вы давно его знаете?

— Достаточно.

За этим словом закрылась дверь. Элинор не стала стучать.

В одиннадцать десять Беатрис поднялась.

— Надо позвонить редактору. Он в Нью-Йорке и уверен, что весь остальной мир тоже.

Она взяла телефон и вышла на переднюю террасу, со стороны подъезда. Элинор осталась одна. Матео принёс кипяток и спросил, не желает ли она печенья. Она сказала, что желает, хотя это и неразумно. Матео отнёсся к противоречию с полным пониманием.

Из глубины сада донёсся короткий звук. Элинор сначала решила, что закрыли тяжёлую дверь. В подобных отелях постоянно что-нибудь закрывалось, перемещалось и исчезало благодаря людям, которых гости почти не замечали. Она посмотрела на стекло: в нём отражались лампы холла, и сад за ними был невидим.

В одиннадцать двадцать пять включился полив у дальней клумбы. Струи воды вспыхивали в свете фонаря. Садовник днём объяснял кому-то, что систему перевели на ночное время. Элинор подумала, что дома Джоан, вероятно, пришлось бы уговаривать дождь выключиться.

Беатрис вернулась около половины двенадцатого. Она выглядела сердитой.

— Он предложил мне добавить в текст пять советов, как хорошо спать.

— Первый — не звонить редакторам ночью.

— Я сказала почти то же самое, только длиннее.

В одиннадцать тридцать пять Матео вышел из боковой галереи с подносом. На нём стояли пустая чашка и высокий бокал, собранные на террасе. Официант задержался у их столика.

— Всё в порядке, сеньоры?

— Да, спасибо, — сказала Элинор.

— Я скоро заканчиваю. Если потребуется что-нибудь ещё, Пабло будет в баре.

Он посмотрел в сторону сада.

— Минуты три назад видел сеньора Беллэма. Он тоже ещё читает. Я хотел спросить, не нужно ли чего-нибудь, но он не захотел, чтобы его беспокоили.

— Он вам так сказал? — спросила Беатрис.

— Нет, поднял руку. Я понял.

— Удивительная сила жеста, — сказала она, когда официант ушёл.

Элинор взяла печенье. Ей хотелось спать, но разговор и прохладный воздух удерживали в кресле. Беатрис рассказала о своей сестре, которая на пенсии занялась керамикой и теперь одаривала родственников вазами, похожими на пострадавшие внутренние органы. Элинор рассказала о Горации и французской перчатке. Они смеялись тихо, с удовольствием людей, которым наконец не нужно быть полезными.

В одиннадцать сорок к ним присоединился Дэниел. Элинор видела часы на телефоне, потому что как раз показывала Беатрис фотографию котов.

— Я вас не побеспокою?

— Здесь как раз обсуждается воровство, — сказала Беатрис. — Можете поделиться собственным опытом.

Дэниел сел на свободный стул. На нём была синяя рубашка с закатанными рукавами. Волосы у лба потемнели от воды, словно он недавно умылся. Сумки с папкой при нём не было.

— В детстве я украл яблоко, — сказал он.

— Разочаровывающе, — ответила Беатрис. — У кота миссис Марш больше размаха.

Элинор показала ему фотографию. Дэниел наклонился, рассмотрел Горация и Сливу и спросил, кто из них умнее.

— Слива. Поэтому она почти никогда этого не показывает.

Он улыбнулся, но глаза оставались утомлёнными. Элинор спросила, долго ли он рисовал.

— Нет. Ничего не получилось. Иногда лучше остановиться.

— Полезное правило, — сказала она.

Дэниел посмотрел на неё, словно пытался понять, не подразумевает ли она чего-нибудь ещё. Затем заказал воду.

Они просидели ещё минут двадцать пять. Дэниел рассказал о небольшом ботаническом саде в Англии, где ему разрешили работать ранним утром. Беатрис вспомнила поездку в Корнуолл. Разговор постепенно замедлился. В полночь ночной администратор приглушил свет возле стойки, оставив лампы у кресел.

В пять минут первого Беатрис закрыла ноутбук.

— Если сейчас не уйду, начну рассказывать истории, которые уже рассказывала.

— Это и есть начало дружбы, — заметила Элинор.

Они направились к лифту. Дэниел остановился у лестницы.

— Я пешком. Спокойной ночи.

У лифта Беатрис сняла очки и убрала их в футляр. Это движение напомнило Элинор, как она сама положила очки на столик в павильоне. Не на тумбочку в номере, как думала раньше, — они так и остались возле газет. Крупные цифры и фотографии на телефоне она различала и без них, поэтому раньше пропажи не заметила.

— Идите, — сказала она Беатрис. — Мне надо кое-что забрать из сада.

У выхода она встретила Матео. Он уже снял жилет и собирался идти через служебный корпус.

— Не проводите меня до павильона? Я забыла очки, а дорожка мокрая.

— Конечно, сеньора.

Они шли медленно. После полива в воздухе пахло влажной землёй. На плитке блестели отдельные капли, у края дорожки лежал сбитый ветром розовый лепесток. Со стороны океана тянуло прохладой.

Лампа в павильоне не горела. Свет проникал только из сада. Через стекло Элинор увидела кремовый рукав и край газеты.

— Он уснул, — тихо сказал Матео.

Элинор остановилась у двери. Внутри стояла странная тишина — не особая, не предвещающая ничего мистического, просто тишина комнаты, в которой человек обычно должен был бы шевельнуться при появлении других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.